

УДК 802.0-31

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР: КОГНИТИВНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

С.А. Панкратова

Аннотация

Настоящая статья, интегрирующая информацию о когнитивных и семантических сферах познания, посвящена изучению возможностей прогнозирования метафорического выбора среди концептуальных метафор английского языка. В статье метафорический выбор рассматривается как творческий способ познания концептуальных абстракций, применяемый с целью вызвать появление каскада новых мыслей, гипотез и теорий. Предсказательная сила метафорического выбора обусловлена различным по своей природе эвристическим (структурным, динамическим, качественным) потенциалом определенных семантических сфер. Творческая сторона метафорического выбора основывается на возможности трактовать концептуальные абстракции как опредмеченные сущности, объединять их в категории, классифицировать, открывая таким образом их новые, непознанные стороны.

Ключевые слова: ассоциация, метафора, когнитивная модель, фрейм.

Метафора – продукт вторичной номинации – представляет собой наряду с метонимией один из основных способов пополнения словарного состава языка. Обладая ассоциативной природой, она способна являться незаменимым средством языковой выразительности. Таков устоявшийся взгляд на метафору с позиций традиционной лингвистики. Важность данного языкового явления, обусловленная его сущностными чертами, определила постоянство исследовательского интереса к этому феномену на протяжении двух тысячелетий. О высокой степени разработанности проблемы свидетельствует обширный круг литературы по метафоре, дающей философский, лингвистический и когнитивный анализ этого многогранного явления; библиография по метафоре насчитывает около четырёх тысяч работ [1; 2, p. 121–140].

Однако в наши дни метафора (а точнее, лежащие в её основе механизмы сознания) привлекает к себе внимание не только как один из способов вторичной номинации, но и в более широком плане, как явление когнитивной сферы. В рамках когнитивного подхода был поставлен вопрос о метафоре как ключевом элементе познания и систематизации человеком действительности, в значительной степени определяющем процессы мышления. В наши дни только начинают появляться психологические и лингвистические исследования метафоры как познавательного механизма, отвечающие главной тенденции изучения метафоры начала XXI века – постепенного отхода от воззрений на неё как

второстепенный по своей роли риторический прием, своего рода «продукт» субъективного восприятия и отражения мира творческой личностью, во многом непредсказуемый и непрогнозируемый. Междисциплинарный, когнитивно-семантический подход определяет *актуальность* изучения метафоры как мыслительного механизма. *Новизна* данного подхода состоит в том, что интеграция лингвистических и психологических данных позволяет при анализе метафоры выйти за обуславливавшие прежде её понимание рамки тропеизма и системорганизирующей роли в языке и рассматривать её как универсальный когнитивный механизм, осуществляющий концептуализацию нового онтологического явления по аналогии с уже сложившейся системой понятий. *Цель статьи* – вскрыть суть и осветить значимость прежде не так активно разрабатывавшейся (по сравнению с назывной, информативной и эмотивной функциями) эвристической, познавательной функции метафоры, комплексное исследование которой находится ещё на начальной стадии.

В чём же заключается эвристическая, познавательная функция метафоры? Человеческое сознание устроено так, что всё новое, нетрадиционное провоцирует поиск объяснения, поиск рационального зерна, лежащего в его основе. Вот почему дети настойчиво требуют от взрослых объяснений непонятных им вещей, а взрослые, став свидетелями непрогнозируемого явления, пытаются найти ему логическое обоснование. Учёный выдвигает гипотезу и не отступает от неё, добиваясь либо подтверждения, либо опровержения. Попытка понять непонятное выступает в виде основной движущей силы исторического развития личности и общества. Весь познавательный процесс носит верификационный характер и находится в отношении «вопросания» к познаваемому материальному и нематериальному миру, что реализуется в ряде основных смысловых вопросов – *Кто?, Что?, Где?, Когда?, Куда?, Зачем?, Почему?, Какой?, Как?, Сколько?* и т. п. В этой связи становится очевидной терапевтическая сторона познавательно-поисковой активности человеческого сознания – всё непонятное, неопределённое вызывает отрицательные эмоции. И наоборот, простые и объяснимые вещи приводят нас в состояние душевного равновесия. Реалии мира вызывают вопросы, ответы на которые должны быть найдены и принести человеку *радость и ощущение безопасности*. В таком ракурсе метафорический выбор – это основанный на механизмах вторичной номинации поиск нового описания абстрактного концепта, осуществляемый в познавательных, эвристических целях (греч.: *‘heuristic’* отыскивать, открывать) и способный дать объяснение сути непознанного абстрактного концепта и даже привести к «каскаду» новых мыслей, догадок, первичных рабочих гипотез и теорий.

Преимущество метафорического способа раскрытия истины заключается в том, что, изначально принадлежа к фантазийно-игровой форме духовного творчества, метафора базируется на иной, более богатой, чем рационально-логические формы мышления, «имагинативной» логике. Это позволяет достигать более плотного, точного и концентрированного описания действительности. Благодаря творческому по своей природе метафорическому выбору к истине приходят путём интуиции (лат.: *‘intueor’* пристально смотрю), которая есть «...опыт не до конца осознаваемого, но тщательно препарированного разумом постижения истины прямым усмотрением» [3, с. 53].

Процесс метафорического выбора приносит также и радость творчества, открытия новых фантазийных, виртуальных миров благодаря тому, что метафора нацелена на одновременное постижение и истинного, и прекрасного или красоты истинного. Метафора – это одновременно «дар гения» и мастерство геометра, превосходно владеющего наукой пропорций, как отмечал специалист в области метафоры Поль Рикёр. Объяснением этому служит положенная в основание метафорического выбора интенция укрепления уверенности в его истинности. Постоянным чувством, сопровождающим метафорический выбор, является удивление, а не принятое в рационализме скептическое сомнение. Интеллектуальное озарение и эмоциональный катарсис – взаимодополняющие аспекты неделимого процесса, в котором возникшее ощущение красоты служит дополнительным подтверждением истинности элегантно решенной проблемы.

Обращаясь к экскурсу в историю современного, когнитивного подхода к метафоре, отметим, что не сразу фокус её изучения сместился из стилистической сферы (где метафоре отводилась второстепенная роль риторического приема, усиливающего эмоциональное воздействие) в когнитивную. Лингвистика долгое время, по словам Поля Рикёра, развивалась под опасением «...распахнуть ворота семантической овчарни волку психологизма» [4, с. 46–47]. Параллельно с этим когнитивная психология изучала нейрофизиологические процессы ассоциирования при помощи главных методов естественных наук (наблюдения, эксперимента и измерения). В ходе работы психологам потребовались некогнитивные, образные объяснения мыслительных процессов для того, чтобы «...вывести психологию из болота ментализма» [5, с. 9]. «Болото ментализма» здесь следует понимать как научную терминологию, описывающую суть и результаты экспериментов, но не способствующую доходчивому объяснению научных открытий и взаимопониманию среди самих учёных. А ведь существует огромный пласт научных терминов-метафор. Это отметили психологи З. Фрейд и Г. Фехнер, представив бессознательное как «**тайник**», заглянуть в который можно сквозь «**окна**» души, которыми являются речь и чувства.

Так сложились предпосылки возникновения когнитивной науки, изучающей мыслительные процессы, в том числе и метафоризацию, на новом, интегративном уровне – с позиций наук как «естественного» цикла (нейрофизиологии и теории информации), так и «семиотического» цикла (логики, философии и семантики). В истории период (70-е годы XX в.), когда произошёл пересмотр взглядов на изучение сознания, стали называть Когнитивной революцией (англ.: ‘Cognitive revolution’, ‘Cognitive turn’). Ключевой в когнитивистике стала метафора «мышление > механизм», поскольку именно тогда благодаря трудам кибернетиков Ч. Беббиджа, Н. Винера, Дж. Шеннона, когнитивных психологов и антропологов Дж. Миллера, У. Найссера, Ж. Пиаже, Р. Д’Андрада, Р. Редфильда активно изучался искусственный интеллект. Именно под влиянием новейшего в те дни изобретения человечества сознание стали рассматривать как «компьютер», извлекающий из памяти сенсорные данные и «трансформирующий» их ради решения познавательных задач.

Пожалуй, самым последним достижением когнитивной лингвистики стала *теория концептуальной интеграции* М. Тёрнера и Ж. Фоконье, которые рассматривают метафору как особый вид ментального проецирования (англ.:

‘mapping’ проекция) концептуальной области-источника на область-цель, одновременно с которым сознанием создаются и хранятся в кратковременной памяти временные промежуточные концептуальные зоны (англ.: ‘blends’ сополагаемые сферы), которые затем встраиваются в структуру знания в момент речи и служат важной составляющей когнитивного процесса [6].

Из вышеприведённого толкования становится очевидным, что современные когнитивные подходы к изучению метафоры зачастую злоупотребляют психологизмом когнитивных описаний, а это, в свою очередь, выявляет необходимость хотя бы минимальной расшифровки используемых терминов. Так, не совсем ясным остаётся утверждение о том, что механизм метафоризации ингерентно встроен в языковую систему. Как именно метафора формирует, структурирует и предопределяет наш способ мышления о мире? Способна ли метафора предопределять и практические области жизнедеятельности – наше поведение, мораль, политику, искусство? Выходит, что феномен метафоры как фундаментального свойства языка разработан разносторонне и, в то же время, несистемно, он не получил комплексной трактовки с психологической и семантической позиций. Ответ на поставленные вопросы лежит в русле интегративного, когнитивно-семантического подхода к языку. Для этого необходимо уточнить само определение метафоры, под которой понимают всё, что угодно, – и сам психологический процесс ассоциирования, и его языковое воплощение.

Так, взамен лингвистическому термину «метафора» (неявно объединяющему стилистико-риторические аспекты самого процесса и его результат) и психологическому термину «ассоциирование» (имплицитующему простую связку «стимул > реакция») был предложен термин *метафорический выбор* – исследуемый в русле интегративного подхода к языку когнитивно-семантический механизм. Он интегрирует как полученные «естественнонаучными» методами (наблюдение и эксперимент) когнитивные данные о психологических процессах ассоциирования, так и полученные «семиотическими» методами (языковое моделирование) уже зафиксированные в словарях и художественной литературе данные о семантических процессах вторичной номинации.

Неоднозначной представляется и *задача* прояснения природы основных участников метафорического выбора, поименованных разнообразно и несистемно – референт/коррелят, тема/контейнер, рамка/фокус, источник/цель, донор/ акцептор, содержание/оболочка. Однако ни одна из пар именованных не учитывает эвристическую цель познания. В соответствии с целью открытия новых сторон концептуальных абстракций главные участники метафорического выбора поименованы как недостаточно познанный абстрактный концепт, не имеющий материального денотата (лат.: ‘*explanans*’, ‘*explicand*’ объясняемое), и объясняющий его системой своих импликаций конкретный концепт, соотносимый со словом с конкретным, предметным значением (лат.: ‘*explanandum*’ объясняющее).

Главным *достижением* при изучении эвристической функции метафорического выбора стало понимание того, что его механизмы не противоречат разработанной отечественными психолингвистами Л.С. Выготским, А.А. Леонтьевым, А.Р. Лурией, С.Л. Рубинштейном *функциональной психологической* модели формирования и формулирования мысли посредством языка. В рамках этой модели метафорический выбор может быть рассмотрен как один из творческих

мыслительных механизмов. Побуждает к началу метафорического выбора ощущение того, что общепринятые когнитивные модели в чём-то неполно или неадекватно описывают тот или иной недостаточно познанный абстрактный концепт, а завершается весь процесс достраиванием когнитивной модели (в целях проверки точности избранной прототипной метафоры), а также моментом озарения («инсайт») (который может и не наступить, и тогда весь процесс повторяется снова). В общей схеме мысле-и-речепорождения есть два момента, отличающие творческий по своей природе метафорический выбор от стандартного ословливания мысли – это *прототипическое ассоциирование* и *признаковое конструирование*, которые хотелось бы рассмотреть подробнее.

В первую очередь привлёк к себе внимание доступный изучению в рамках когнитивного подхода к метафоре механизм *прототипического ассоциирования*. Это мгновенный процесс ассоциативного воспроизведения прежде зафиксированной в опыте межпонятийной связи, оставляющий вне поля зрения предметно-логический уровень смыслообразования, то есть то, какие именно признаки послужили основанием метафорического выбора. Проще говоря, за звуковым означиванием абстрактного концепта «А» в сознании мгновенно всплывает ассоциативно связанный с ним конкретный концепт «Б».

Действительно, когнитивный подход к метафоре предполагает, что задача описания концептуальных абстракций решается человеком не «с чистого листа», а с опорой на сформировавшиеся в прошлом ассоциативные связи, которые психологи называют архетипами, философы – пра-символами, лингвисты – семантическими универсалиями. Языковым коррелятом психологических терминов является прототипная метафора – регулярная, однотипная комбинация абстрактных и конкретных концептов, выражающая объективированные, устоявшиеся, общепринятые для говорящих на данном языке способы членения действительности.

Прототипные метафоры хороши тем, что экономят когнитивные усилия и помогают быстро сориентироваться в бесконечном многообразии вещей, метафорически обозначив их. Недостаток прототипных метафор отмечен в отечественной концепции *лингвистических обязательств*: произнося одно слово, человек берёт на себя обязательства по высказыванию других, а это связывает высказывание, придаёт ему стереотипность, клишированность, лишает творческого начала. Творческий характер метафорического выбора состоит в том, чтобы в сознательном эстетическом поиске описания абстрактного концепта отталкиваться от общепризнанных прототипных метафор, подмечать и создавать новые связи.

Итак, в когнитивном объяснении механизмов метафорического выбора нет обращения к глубинному ярусу смыслов исходных слов, здесь главный метод – подсчёт количества ассоциативных реакций на заданное слово-стимул, из которого может следовать вывод, что одни слова более частотны и общеупотребительны. Проводимые в ходе поиска оснований метафорического выбора когнитивные эксперименты показали, что носители языка чаще припоминают *образные* слова. Образные знания извлекаются из памяти «сразу целиком» в первые 500 мс, и лишь затем сознание активизирует вербальные знания [7]. Ещё одно предложенное когнитивными психологами объяснение, почему одни слова

вспоминают чаще других – в том, что это слова базового лексикона, усвоенные в раннем детстве. Они легче припоминаются потому, что закодированы в обоих полушариях головного мозга человека, в то время как знания, приобретённые позже, связывают с работой левого полушария [8].

Так когнитивная психология обозначила приоритетную сферу метафорического выбора – это термины родства, обозначения частей тела и природных явлений, которые первыми усваиваются человеком и принадлежат к ядру лексикона. В результате нашёл когнитивное подтверждение фундаментальный для лингвистики тезис об антропоцентризме языка. Теперь это перспективное направление активно разрабатывается корпоральной, телесной (лат.: ‘*corpus*’ тело) семантикой [9], утверждающей, что сознание и язык основаны на телесном базисе, а устройство понятийного мира человека и семантики естественного языка обусловлено биологической природой человека.

То, что подаётся как новое в когнитивных исследованиях, возможно семантически объяснить в механизме *признакового конструирования* – это механизм вычерпывания признаков из конкретной семантической области и предиктивное их абстрактному денотату, при этом через систему импликаций открывается доступ к содержанию всего фрейма конкретной семантической сферы. Чтобы выйти на новый, цельный, системный уровень объяснения эвристически ценных механизмов метафорического выбора, необходимо было определить, что общего у различных семантических сфер. Этим общим является структура организации знаний, или фрейм, по-разному заполненный конкретной лексикой, но стандартно включающий структурные слоты (субъект, объект, место и инструменты), динамические слоты (предикаты начала, содержания, конца и результата действия), а также слоты, описывающие качественные характеристики действия.

Заметим, что в традиционном представлении механизм метафоры состоит в переносе на обозначаемое или субъективном приписывании ему по аналогии некоторых признаков обозначающего. Главным *достижением* исследования эвристической значимости метафорического выбора стало определение *объективной*, не случайной относительно общего знания основы метафорического выбора – этой основой являются типичные, стандартные, общепринятые в английском сообществе признаки предметных областей. Все вышесказанное натолкнуло на формулирование следующей *гипотезы*: сам состав элементов предметной семантической сферы определяет приоритеты в описании абстрактного концепта, усиливая наиболее разработанные компоненты смысла и ослабляя, редуцируя менее значимые.

В результате исследования эвристической значимости метафорического выбора в приложении к шестнадцати ведущим предметным сферам (строительная, книжная, текстильная, финансовая, дорожная, военная, мореплавательная, законодательная, научная, механическая, промышленная, живописная, антропоцентрическая, биологическая, стихийная, или природная) английского языка был выявлен их различный (в зависимости от доминирующих структурных ‘S’, динамических ‘D’ или качественных ‘Q’ семантических оснований) эвристический потенциал.

1. Если выбраны **строительная, книжная, текстильная** или **финансовая** семантические сферы, богатые структурными 'S' признаками, то речь в метафорическом описании абстрактного концепта пойдет о том, *«как он устроен»*.

2. Если избраны **дорожная, военная, мореплавательная** или **законодательная** семантические сферы, в которых богато представлены динамичные признаки 'D', то в метафорическом описании абстрактного концепта речь, скорее всего, пойдет о вариантах развития ситуации, о том, *«как он действует»*.

3. Если избраны **научная, механическая, промышленная** или **живописная** семантические сферы, в которых наиболее разработаны качественные признаки 'Q', то в метафорическом описании абстрактного концепта речь пойдет о том, *«как он качественно изменяется»*.

4. Если избраны **антропоцентрическая, биологическая, стихийная (природная)** семантические сферы, в них ведущими являются все типы оснований метафорического выбора – как структурные 'S', так и динамичные 'D' и качественные 'Q', что позволяет одновременно говорить и об устройстве, и о действиях, и об изменениях абстрактного концепта, отвечать на вопрос *«Какова причина (происхождение) такой структуры, действий и изменений?»* Так именно на когнитивно-семантическом уровне была доказана ведущая роль принципа антропоцентризма в языке и в метафорическом выборе. Человек выбирает то, что лучше знает. А лучше всего мы знаем себя.

Подтверждением универсальности доминирующих в метафорическом выборе антропоцентрических, естественных когнитивных моделей служит тот факт, что практически все типы концептуальных абстракций (идеи, творчество, язык, общество, история) осмысливаются как живые существа. Так, в философии творчество рассматривается как **«рождение, рост и созревание»** новых образов и переживаний (А. Бергсон, Ф. Дильтей, Л. Клагес, Г. Риккерт). В сравнительно-историческом языкознании язык рассматривается как сущность, обладающая **«семейным сходством»** (Л. Витгенштейн) и проходящая стадии **«становления, развития и распада»** языковых форм. В органической социологии начала XX века (А. Сен-Симон, Г. Спенсер, И.С. Кон) общество рассматривается как живое существо, у которого роль **«кровообращения»** играет торговля, функцию **«головного мозга»** исполняет правительство, экономическая жизнь сравнивается с **«обменом веществ»**, а социальные конфликты сравниваются с глобальными **«конвульсиями»** (Э. Тоффлер). Общество, вырастая в цивилизацию, проходит стадии **«возникновения, роста, надлома и разложения»** (А. Тойнби).

Важным следствием сформулированной закономерности оказывается возможность объяснения изменений, эволюции концептуальной системы носителей языка – метафорический выбор направлен за пределы простого описания фактов к выяснению закономерностей функционирования и к их причинному объяснению. Оказывается, что установленные когнитивно-семантические закономерности метафорического выбора в разнородной семантической среде не противоречат, а соответствует когнитивному повороту конца XIX – начала XX вв. от оперирующей индуктивными методами (наблюдение, испытание, эксперимент) позитивистско-сциентистской традиции познания действительности через упорядочивающий накопленный фактический материал структура-

лизм-функционализм к объясняющей истоки персоналистско-экзистенциалистской традиции. Открытия когнитивной теории метафоры соответствуют новому типу постнеклассической рациональности, сущность которого состоит в появлении среди объектов современной науки природных комплексов, в которые включён в качестве главного участника сам человек.

Удивительным, на первый взгляд, оказывается следование доминирующих тенденций метафорического выбора общему направлению развития человеческого познания, описывающего своего рода круг от власти субъективности к безраздельному господству объективных явлений и вновь к признанию субъективных феноменов. Однако о тождестве принципов мышления и бытия (порядок и связь идей те же, что и порядок и связь вещей) задумывались давно (Б. Спиноза). Далее, уже в XIX веке, диалектический материализм выделял в эволюции познания природы путь от исходного представления о конкретном предмете как нерасчленённом целом к его анализу и мысленному воссозданию в его целостности. В этой концепции непосредственное созерцание природы как нерасчленённого целого (охватывается общая картина, но не ясны частности) сменяется анализом природы (ее членение, выделение и изучение отдельных вещей и явлений, причин и следствий, затушевывающее универсальную связь явлений, общую картину) и должно вести к воссозданию целостной картины (связывание изолированного на основе уже познанных частных). В труде «Логика и рост научного знания» К. Поппер выявил преемственность научных схем объяснения (совокупность неявно задаваемых регулятивных принципов познания), выраженную в смене общепринятых однозначно-детерминистских парадигм мышления эпохи механицизма функциональными и генетическими схемами объяснения. Однако никогда прежде это не связывалось с объяснением механизмов метафорического выбора в разнородной семантической среде, на основе когнитивно-семантического анализа структуры лежащих в основании когнитивных моделей конкретных семантических сфер.

В доказательство универсальной направленности метафорического выбора, обусловленного общей направленностью исторического и материально-культурного развития, приведём историю метафорического осмысления центрального для человечества концепта – атома. Так, об эволюции метафорического осмысления центрального концепта эмпирической науки – атома – говорит смена ключевых когнитивных моделей: «атом > механизм > планета > стихия». Как свидетельствует история науки, если эллины видели материю сплошной «**кучей зерна**», то учёным XVI – XVII вв. атом представлялся в духе механицизма, как зубчатое «**колёсико**» со сцеплениями-«**крючочками**», зубцы которого подходят друг другу в случае растворения тел и не подходят в случае их нерастворения (М.В. Ломоносов). В XIX веке произошёл слом механистической концептуальной аналогии, и ионы стали представлять как «**осколки**» молекул, несущих противоположные по знаку заряды (М. Фарадей). В начале XX в. на смену механистической приходит «**планетарная**» модель атома, согласно которой роль Солнца выполняет ядро, а роль планет – связанные электрическим «**притяжением**» электроны, вращающиеся вокруг него по строго определённой «**орбите**». В целом XX век ознаменован возвратом к естественно-природным когнитивным моделям в понимании природы материи: ядерная физика

вскрывает «неисчерпаемую» природу электрона, который может рождаться из нейтрона, гиперонов и мезонов с выделением нейтрино, может поглощаться и исчезать в атомном ядре при захвате, «сливаться» с позитроном. Для описания движения электрона вокруг атомного ядра в квантовой механике предложена аналогия «облака» с «размытыми» краями (Г. Резерфорд, А. Эйнштейн). Теорию света как «потока» фотонов разработал американский физик А. Комптон. Группы сонаправленных, генетически связанных частиц космического излучения сравнили с электронно-позитронными «ливнями» (П. Блэккетт и Дж. Оккиалини). Истечение плазмы солнца именуется солнечным «ветром» (Е. Паркер).

В наше время – эпоху многократного ускорения темпов развития информационных технологий, темпов научного развития и культурного творчества – трансформируется сам способ мышления и познания мира. Человек разумный превращается в человека информационного. На языковом уровне это проявляется в смене познавательных установок, характерных для целых эпох. «...Общество не выживет, если не перейдет от эпохи просвещения и эрудиции второго тысячелетия (с его лозунгом “Знание – сила”) к эпохе интеллекта третьего тысячелетия с лозунгом “Мышление – могущество”» [10, с. 24]. Теперь интеллектуальный прогресс сказывается не в простом наращивании объема знаний, а в развитии мыслительных способностей, в дополненном интуитивно-творческими методами логико-диалектическом освоении обществом механизмов мышления, в том числе и творческих в своей основе механизмов метафорического выбора.

В связи с этим становится очевидно, что основные усилия по разрешению проблем современности могут быть сосредоточены и в гуманитарной области, будучи направленными на осмысление бытующих в сознании и языке установок, шаблонов, выраженных в традиционных, стереотипных, классических, ключевых метафорах. Специфика метафорического мышления состоит в преодолении соблазна готовых схем, в направленности познания от стереотипных, канонизированных к автономным, нестандартным способам осмысления непознанного. Исследование когнитивных механизмов метафорического выбора в их эвристической функции оказывается ценным именно потому, что способно показать трансформацию познавательных установок, стереотипов носителей языка. А это, в свою очередь, оказывается возможным в рамках современного интегративного когнитивно-семантического подхода, сочетающего когнитивные данные о процессах мышления и семантические данные опыта метафорического выбора тех или иных семантических сфер, уже зафиксированного в словарях и литературе.

Summary

S.A. Pankratova. Metaphoric Choice: Cognitive and Semantic Possibilities of Its Forecast.

The article deals with possibilities of forecasting the metaphoric choice among English conceptual metaphors, integrating psychological and linguistic fields of knowledge. The article describes metaphoric choice as a creative way of perceiving conceptual abstractions performed to obtain a succession of new thoughts, hypotheses and theories. The forecasting power of metaphoric choice is based on a different heuristic (structural, dynamic, qualitative) potential of different semantic spheres. The creative side of metaphoric choice is based on the

possibility to see conceptual abstractions as substantial entities, to categorize and classify them, thus discovering their new, unusual sides.

Key words: association, metaphor, cognitive model, frame.

Литература

1. *Петров В.В.* Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // *Вопр. языкознания*. – 1990. – № 3. – С. 37–50.
2. *Shibles W.A.* *Metaphor: an Annotated Bibliography and History*. – Whitewater, WI: The Language Press, 1971. – 430 p.
3. *Никитин М.В.* *Основания когнитивной семантики*. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 53 с.
4. *Рикёр П.* *Метафорическое творчество // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной*. – М.: Прогресс, 1990. – С. 46–47.
5. *Eysenk H.J.* *A Model for Intelligence*. – Berlin: Springer, 1982. – 58 p.
6. *Turner M., Fauconnier G.* *Conceptual integration and formal expression // Journal of Metaphor and Symbolic Activity*. – 1995. – V. 10, No 3. – P. 183–204.
7. *Clark J.M., Paivio A.A.* *Dual Coding Perspective on Encoding Process // McDaniel M., Pressley M. (Eds.). Imagery and related Mnemonic Process. Theories, Individual Differences and Applications*. – N. Y.: Springer-Verlag, 1987. – P. 5–33.
8. *Нейропсихологический анализ межполушарной асимметрии мозга / Отв. ред. Е.Д. Хомская*. – М.: Наука, 1986. – 120 с.
9. *Ruthrof H.* *The body in language*. – London; New York: Cassell, 2000. – 112 p.
10. *Войтов А.Г.* *История и философия науки*. – М.: Дашков и компания, 2005. – 124 с.

Поступила в редакцию
02.02.09

Панкратова Светлана Анатольевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург.

E-mail: svetpankrat@yandex.ru